

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ КУЛЬТУРЫ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

А. И. КУЛЯПИН, О. А. СКУБАЧ

МИФОЛОГИЯ
СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ
СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ

Ответственный редактор
И. В. Силантьев

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2013

УДК 80/81
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
К 21

*Российская академия наук. Сибирское отделение. Институт филологии
Издание подготовлено в рамках Интеграционного проекта СО РАН — УрО РАН
№ 53 «Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования»*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор СФУ К. В. Анисимов
доктор исторических наук, профессор АлтГУ Ю. М. Гончаров
доктор филологических наук, профессор РГПУ им. А. И. Герцена О. М. Гончарова

Редакционный совет серии:

М. М. Гиришман (Донецкий ун-т, Украина), М. Н. Дарвин (РГТУ, Москва),
И. В. Силантьев (председатель, Ин-т филологии СО РАН, Новосибирск),
Ю. Л. Троцкий (РГТУ, Москва), В. И. Тюпа (РГТУ, Москва),
Ю. В. Шатин (Новосибирский гос. ун-т), В. Шмид (Гамбургский ун-т)

Куляпин А. И., Скубач О. А.

К 21 **Мифология советской повседневности в литературе и культуре
сталинской эпохи: монография / Отв. ред. И. В. Силантьев. — М.: Языки
славянской культуры, 2013. — 240 с. — (Коммуникативные стратегии
культуры).**

ISBN 978-5-9551-0601-4

Главная задача книги — изобразить советское прошлое не в привычном ракурсе истории фактов, но как историю представлений, убеждений и заблуждений среднестатистического «homo soveticus», обитателя мира сталинской утопии. Опираясь на материал литературы, кино, живописи, искусства плаката, а также на мемуары и публицистику сталинской поры, авторы исследуют специфически советское восприятие таких существенных аспектов человеческого бытия, как национально-культурное пространство, время и история, сон, телесность, еда, похоронный ритуал, транспорт, средства связи, феномен подарка и ритуал дарения, популярные формы досуга и др. Издание предназначено для филологов, историков, представителей других гуманитарных специальностей, а также для всех интересующихся отечественной культурой XX века.

ББК 83.3

*В оформлении переплета использована
картина Серафимы Рянгиной «Все выше» (1934)*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0601-4

© Издательство «Языки славянской культуры», 2013
© Куляпин А. И., Скубач О. А., 2013
© Институт филологии СО РАН, 2013

Содержание

Вместо введения. Железный век	7
--	----------

I. СОВЕТСКИЙ КОСМОС

Глава первая. Москва моя — страна моя.....	15
Глава вторая. Игры со временем	29
Глава третья. Куда течет река Волга: волжская мифология и чувство истории в советском искусстве 1920—1930-х гг.....	39
Глава четвертая. Символика средств связи.....	47
Глава пятая. Локомотивы революции	61

II. HOMO NOVUS

Глава шестая. Человеческий материал	71
Глава седьмая. Тело как текст, или Body-art тоталитаризма.....	82
Глава восьмая. Новое в физиологии мозга.....	96
Глава девятая. Верный Брут: собаки в отечественной культуре первой половины XX века	102
Глава десятая. Пища богов и кроликов	111
Глава одиннадцатая. Сноблезнь, снобязнь и культ бодрствования.....	128
Глава двенадцатая. Семиотика красных похорон	141

III. МИР СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Глава тринадцатая. Азбука социализма: учебники русского языка 1920—1930-х гг.	155
---	------------

Глава четырнадцатая. Уроки лжи:	
математика в советской школе	164
Глава пятнадцатая. Собиратели хаоса:	
коллекционирование по-советски	172
Глава шестнадцатая. О сухих вратарях	
с подмоченной репутацией	185
Глава семнадцатая. Шахматы в СССР	193
Глава восемнадцатая. Дары данайцев	208
Глава девятнадцатая. Вещи и знаки в советском мире	217
Вместо заключения. Последние наблюдения.....	225
Литература	229

Вместо введения

Железный век

«Век девятнадцатый, железный, / Воистину жестокий век!» — писал А. Блок в поэме «Возмездие» [Блок 1960: 304]. С точки зрения нашего современника эта формула применительно к сравнительно гуманному XIX веку выглядит почти наивно. Зато она точно характеризует атмосферу первых послереволюционных десятилетий XX века. Гуманитарии сейчас все охотнее пользуются культурологической метафорой, согласно которой «золотой век» русской культуры сменяется сначала «серебряным», а потом — «бронзовым» и «железным». Эта схема, конечно, отнюдь не безгрешна в научном отношении, по существу, она — не что иное, как часть нового квазиисторического мифа. Заметим все же, что определение «железный» передает дух сталинского периода гораздо адекватнее, чем «золотой» — сущность пушкинской эпохи или «серебряный» — блоковской.

В середине 80-х гг. прошлого века Б. Гройс заметил: «...искусство сталинского периода сейчас официально табуировано в Советском Союзе не меньше, чем искусство авангарда» [Гройс 2003: 24]. После крушения советской империи авангардное искусство было в сжатые сроки легализовано. Культура же сталинизма еще долго оставалась под негласным запретом. Посттоталитарное общество стремилось вытеснить травмирующий опыт из своей культурной памяти.

Сегодня внимание к эпохе Сталина носит по преимуществу односторонний характер. Стабильно высокий интерес к историческим и политическим аспектам этого периода компенсируется продолжающейся маргинализацией сталинского искусства, и прежде всего — литературы. Вряд ли можно сейчас всерьез рассчитывать на переиздание авторов соцреалистов, тем более — второго или третьего «эшелона». Между тем именно они отражают подчас те нюансы советской действительности, мимо которых сознательно прошли признанные классики первой половины XX века. Показательным коммерческим неуспехом завершился замечательный проект издательства «AdMarginem», в 2003—2005 гг. попытавшегося в серии «Атлантида» вернуть из не-

бытия ряд любопытных произведений приключенческого жанра, созданных советскими писателями в 1940—1960-х гг.

Для читателя и зрителя начала XXI века художественная ценность произведений социалистического реализма неочевидна. Оставаясь в кругу привычных категорий, советскую литературу, живопись и кинематограф невозможно понять и воспринять адекватно. Именно поэтому существующий интерес к эпохе сталинизма — весомый повод для выработки свежих исследовательских методологий, способных с новой стороны открыть искусство и культуру 1920—1950-х гг. Пожалуй, наиболее востребованным и перспективным сегодня является семиотический подход. Одна из причин такой популярности заключается, конечно, в весьма актуальном для современных гуманитариев междисциплинарном пафосе семиотических исследований. Авторы данной работы на фундаменте семиотики культуры постарались соединить литературоведческий (по преимуществу) материал с существующими наработками в области отечественной истории.

Антиисторизм структуралистов и квазиисторизм постмодернистов постепенно уходит в прошлое. Внимание современных гуманитарных наук к диахронии выдвинуло в центр нынешних ученых споров «новый историзм» (new historicism). По замечанию И. П. Смирнова, «первостепенное место в его самопонимании занимает убежденность в том, что исторический дискурс в силах отвечать реальности прошлого, т. к. она сшита из текстов (по нашумевшей максиме Монтроуза, “текст историчен — история текстуальна”» [Смирнов 2004: 308]. Следует особо подчеркнуть, что логика развития этого научного направления ведет к универсализации литературоведения. Сторонники данной концепции, к числу которых причисляют себя и авторы настоящей монографии, «занимаются историей разных дискурсов, безоговорочно предпочитая при этом литературу или олитературивая таковые. Литература впитывает в себя содержание религиозных, философских, научных, политических и иных текстов, что естественным образом дарует ей привилегию (...)» [Там же: 312].

Литература советского периода очень специфична. Она, конечно, зеркало русской революции, вот только зеркало это обладает очень сильным искажающим (или преображающим?) эффектом. Вычислив коэффициент преломления действительности в магическом кристалле социалистического реализма, можно реконструировать и понять идеологические мифы, определявшие не только общественную, но и быденную жизнь советского человека.

В свое время Ю. М. Лотман и Е. А. Погосян предложили описать историю быта «как последовательное введение ритуальных неудобств — от костюма, прически, интерьера, обеденного прибора до манеры отпускать длинные ногти: вплоть до начала XX века быт стремится к неудобству, после чего обращается к подчеркнутому удобству, обретая при этом все менее ритуальные формы» [Лотман 1996: 20]. В границах советского периода отечественной истории процесс бытового упрощения протекал не так просто и однолинейно. Можно вспомнить реакцию Шарикова из булгаковского «Собачьего сердца» (1925) на попытки приучить его к элементарным правилам обеденного этикета: «Вот все у нас как на параде, — заговорил он, — салфетку туда, галстук — сюда, да “извините”, да “пожалуйста”, “мерси”, а так, чтобы по-настоящему, — это нет. Мучаете себя, как при царском режиме» [Булгаков 1989—1990, 2: 182]. Демонстрируемое «новым человеком» стремление к естественности — на самом деле фальшивка, обман: Шариков как раз во всех отношениях противоестественен. На фоне его «натуральных» повадок чинный и парадный уклад дома Преображенского выглядит квинтэссенцией естества. Неприятие героем чрезмерной (с его точки зрения) регламентации профессорского быта, традиционных форм повседневного поведения — это всего лишь часть нового, куда более неудобного и нелепого, порожденного революцией ритуала. Конечно, Булгаков — писатель пристрастный, однако можно найти множество других примеров подобного рода. Вероятно, формула тартуских ученых нуждается в уточнении: по количеству бытовых неудобств советский период превосходит большинство исторических эпох, и многие из этих неудобств носят именно ритуальный характер.

Бытовое поведение с позиции семиотики разделяется на рутинное и знаковое.

Область рутинного поведения отличается тем, что индивид не выбирает его себе, а получает от общества, эпохи или своей психофизиологической конституции как нечто, не имеющее альтернативы. Знаковое поведение — всегда результат выбора и, следовательно, включает свободную активность субъекта поведения, выбор им языка своего отношения к обществу [Лотман 1992: 34].

Большевистская власть сняла с граждан нового мира тяжелое бремя свободы выбора. Поведение советского человека почти всегда рутинно, вынужденно, но при этом воспринимается оно самим субъектом как свободное, *знаковое*. К примеру, неизбежное убожество одеяний, порожденное всеобщим обнищанием 1920—1930-х гг., преподносит-

ся как преднамеренное. Сначала одежда была тем «явным признаком, по которому новые “хозяева жизни” определяли принадлежность незнакомого человека к “эксплуататорам”» [Жирицкая 2003: 225]. Позже, в 1930-е гг., вспоминает С. Тхоржевский, «провозглашение всеобщего равенства власти пытались подчеркнуть равенством внешним». «Советскому гражданину надо было выглядеть бедным, стремление получить одетым считалось буржуазным предрассудком» [Тхоржевский 2004: 206]. Посетивший страну в 1930-х гг. А. Жид пытался выявить, и небезосновательно, изоморфизм между внешним обликом и внутренней сущностью советского человека.

Все друг на друга похожи. Нигде результаты социального нивелирования не заметны до такой степени, как на московских улицах, — словно в бесклассовом обществе у всех одинаковые нужды. Я, может быть, преувеличиваю, но не слишком. В одежде исключительное однообразие. Несомненно, то же самое обнаружилось бы и в умах, если бы это можно было увидеть [Жид 1990: 72].

Эта книга лишена критического пафоса — его нет ни в отношении авторов к рассматриваемой эпохе, ни к собственно феномену сталинизма. Невозможно понять культуру, находясь за пределами действия ее основополагающих представлений и иллюзий; погрузившись же в них, исследователь неизбежно теряет способность судить и осуждать. Мы лишь постарались показать, как культура 1920—1950-х гг. видит и воспринимает самое себя — или как она хочет себя видеть и воспринимать. Другими словами, цель настоящей работы заключается в том, чтобы выявить и описать важнейшие мифы (конечно, в бартовском смысле этого слова), порожденные культурной средой и составлявшие основу ментальности среднестатистического советского человека — современника сталинской эпохи.

Первый из разделов этой книги — о советской «космологии»: авторы попытались реконструировать типичное для периода 1920—1950-х гг. восприятие национально-культурного пространства, времени и истории; также здесь рассматриваются связанные с этими аспектами феномены транспорта и средств связи.

Во втором разделе мы постарались максимально полно показать метаморфозу, которую претерпевает в сталинской культуре представление о человеке/человеческом. Метафорика внутреннего мира, символика телесных деформаций, научные эксперименты в области физиологии человеческого мозга, семантика важнейших человеческих отправления и связанных с ними ритуалов (еда, сон, смерть и похоро-